
Тень
полнолуния

Лилит Денница

Тень Полнолуния

«Автор»
2026

Денница Л.

Тень Полнолуния / Л. Денница — «Автор», 2026

У Ракель не одна родовая печать. Их четыре. И все они запрещены.Семнадцать лет она скрывалась на задворках стаи Волков, считая себя сиротой. Но когда её печать трескается, выпуская на волю древних духов, ей приходится бежать в Цитадель Восьми — суровую крепость, где наследники великих семей учатся магии и интригам. Здесь Ракель узнаёт, что она не просто аномалия. Она — ключ. А за ключами охотятся те, у кого есть руки, чтобы их повернуть.Единственное, что заставляет внутренних демонов замолчать, — это тепло рук простого конюха Гордея. Но в мире, где за магию платят воспоминаниями, а из древнего Разлома просачивается тьма, близость к нему может стоить им обоим слишком дорого.Ракель придётся выбрать: стать послушным оружием в чужих руках или сжечь старый мир дотла.Но помни: огонь не щадит тех, кто играет с ним в прятки.

© Денница Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
ГЛАВА 1. ВЫЖИВШАЯ 7
ГЛАВА 2. ЧЁРНАЯ МЕТКА 12
ГЛАВА 3. ПАРИ НА ПЕПЕЛИЩЕ 17
ГЛАВА 4. ОБРЯД РЕЗОНАНСА 22
ГЛАВА 5. ТОТ, КТО УМЕЕТ ЧИТАТЬ 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Лилит Денница
Тень Полнолуния

Оглавление
ПРОЛОГ
ГЛАВА 1. ВЫЖИВШАЯ
ГЛАВА 2. ЧЁРНАЯ МЕТКА
ГЛАВА 3. ПАРИ НА ПЕПЕЛИЩЕ
ГЛАВА 4. ОБРЯД РЕЗОНАНСА
ГЛАВА 5. ТОТ, КТО УМЕЕТ ЧИТАТЬ
ГЛАВА 6. ШЁПОТ МЁРТВЫХ
ГЛАВА 7. ХОЛОДНЫЙ ГОСТЬ
ГЛАВА 8. ЛАБИРИНТ ТЕНЕЙ
ГЛАВА 9. ПТИЦЫ ПАДАЮТ МЁРТВЫМИ
ГЛАВА 10. ТАЙНА ЗОЛОТОГО ПЕРА
ГЛАВА 11. ТАЙНА ЗОЛОТОГО ПЕРА
ГЛАВА 12. ПАМЯТЬ ВЕЩЕЙ
ГЛАВА 13. ТУРНИР ТЕНЕЙ
Глава 14 ИСКРА И ПЕПЕЛ
ГЛАВА 15. СЛЕД ЛИСЫ
ГЛАВА 16. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ
ГЛАВА 17. ЛОВУШКА БАБУШКИ
ГЛАВА 18. КРОВЬ НА СНЕГУ
ГЛАВА 19. ХОЗЯИН СКЛЕПОВ
ГЛАВА 20. ЖЕНЩИНА В ЧЁРНОМ
ГЛАВА 21. ПРОБУЖДЕНИЕ ФЕНИКСА
ГЛАВА 22. ПЕПЕЛ И ИСКРЫ

ПРОЛОГ

Когда волк и орёл сойдут с ума,

Когда лиса и ворон замолчат,

Придёт дитя четырёх кровей.

Оно откроет крипту.

Оно освободит огонь.

Оно сожжёт старый мир – или спасёт его.

Но цена будет велика.

Ибо тот, кто соединяет,

Всегда теряет себя.

Эта история началась задолго до того, как Ракель узнала своё имя. Восемь семей – четыре звериных, четыре птичьих – делили землю и небо, воюя так долго, что уже не помнили, с чего всё началось. Они накладывали на младенцев Печать Тринадцати, чтобы сила не убила их раньше срока. В тринадцать лет печать снимали у родовых статуй. Кто выживал – становился воином. Кто не выдерживал – оставался пустым. А те, чья печать трескалась раньше, – платили за силу собой.

Так они гордились своей кровью. Пока кровь не начала требовать плату.

Но однажды родилась девочка. В первую же ночь на её спине проступили знаки – спутанные, будто четыре тени дрались за одно место. Всеволод разглядел только волка. Старая ведунья – все четыре: волк, орёл, лиса, ворон. Она побледнела и сказала: «Её нельзя снять. Можно только принять. Или умереть».

Девочку назвали Ракель. Она выжила. Она росла в доме Волков, считая себя сиротой. Она не знала, что её мать всё ещё жива. Что её отец бродит по горам без имени. Что за ней смотрят – и ждут. Она не знала, что в её жилах течёт кровь четырёх семей. Она не знала, что она – ключ.

А потом – в семнадцать лет, на тренировке, одна против тени – печать треснула. Из её горла вырвался крик, которого она не узнала. Вылетели стёкла. Земля дрогнула. И четыре тени на её спине впервые зашевелились сами.

Это история о том, что случилось после. О том, как девочка с четырьмя тенями узнала правду. О том, как древняя тьма потянулась из Пламенного Разлома. О том, как восемь семей должны были решить: объединиться или исчезнуть.

Но сначала – о Ночи Кровавого Неба. О предательстве, которое изменило всё. О любви, которая не должна была случиться. И о матери, которая не пришла за дочерью.

Таково начало. Остальное – в крови.

ГЛАВА 1. ВЫЖИВШАЯ

Первое, что Ракель осознала, когда мир перестал звенеть, – это то, что колени саднят. Второе – что во рту привкус крови, и это бесит. Третье – что она, кажется, только что разнесла половину тренировочного двора, и за это ей, вероятно, влетит от Всеволода.

Не то чтобы её это сильно волновало. Но всё же.

Она сидела на земле, среди осколков стекла, которые блестели в свете фонаря, будто кто-то рассыпал по траве горсть мелких звёзд. Деревянная стойка с клинками валялась в двух шагах, переломленная пополам, как спичка. А тени – тени в углах двора, под навесом, за деревьями – они всё ещё шевелились. Медленно, лениво, будто потягивались после долгого сна.

Ракель смотрела на них и чувствовала, как где-то на периферии сознания скребётся мысль: «Это ненормально. Даже для тебя».

Она попыталась встать. Ноги не послушались. В голове что-то ухнуло – глухо, тяжело, как колокол, – и Ракель снова осела на землю, выругавшись сквозь зубы. Коротко и ёмко. Всеволод бы не одобрил, но Всеволода рядом не было.

Пока не было.

– Ракель!

А. Ну вот и всё. Явился.

Она подняла голову. Глава Волков стоял в пяти шагах, и его лицо – обычно жёсткое, скуластое, с выражением человека, который видел слишком много, чтобы чему-то удивляться, – сейчас было бледным. За его спиной маячили трое из стаи. Молодые, широкоплечие, с напряжёнными плечами. Они смотрели на неё так, будто она только что отрастила вторую голову.

Ракель усмехнулась. Вышло криво – кровь на губах мешала.

– Что, – сказала она, – никогда не видели, как девушка тренируется?

Всеволод не ответил. Он шагнул вперёд, и в его взгляде было что-то, от чего её показная бравада дала трещину. Страх. Настоящий, не притворный.

– Отойдите, – бросил он через плечо. – Все. Живо.

Стая замешкалась. Гриша, тот самый, что вечно лез первым, сглотнул и прошептал:

– Всеволод... от неё пахнет... не так. Грозой и пеплом. И ещё чем-то. Чужим.

– Я сказал – отойдите.

Волки попятились. Но не ушли. Ракель видела, как они стоят у кромки леса, и их глаза блестят в темноте. Голодно. Настороженно. Так смотрят на зверя, которого не понимают.

Всеволод опустился на колени рядом с ней. Протянул руку – и замер, не коснувшись. Будто боялся, что она обожжёт.

– Что случилось? – спросил он тихо. – Ракель. Посмотри на меня.

Она посмотрела. И на мгновение – только на мгновение – ей захотелось быть маленькой. Захотелось, чтобы он просто сказал, что всё в порядке, что это ерунда, что завтра они посмеются над этим. Но он не сказал. Он смотрел на неё, и в его глазах было слишком много понимания и слишком мало ответов.

– Я не знаю, – сказала она. И это была правда. – Я тренировалась. Одна. Отрабатывала волчий удар. А потом... – Она замолчала, подбирая слова. – Что-то щёлкнуло. Внутри. Как будто лопнула струна. И я закричала. Я не хотела. Оно само.

Всеволод медленно выдохнул. Его взгляд скользнул по её спине – по разорванной рубашке, сквозь которую проглядывала кожа. Ракель не видела, но чувствовала: там что-то двигалось. Горело. Шевелилось.

– Идём в дом, – сказал он, поднимаясь. – Сейчас же.

– Что со мной? – Она схватила его за руку. Пальцы дрожали, и она ненавидела себя за это. – Дядя, что это было? Почему стёкла? Почему земля? Я не...

– В дом, – повторил он. – Потом.

Он помог ей встать. Ноги всё ещё слушались плохо, но Ракель заставила себя идти. Не хватало ещё, чтобы кто-то из стаи решил, что она слишком слаба, чтобы стоять самостоятельно. Она оперлась на руку Всеволода, и они пошли к дому. За спиной, в темноте, волки тихо переговаривались. Ракель слышала обрывки фраз – «...пахнет грозой и пеплом...», «...в ней четыре запаха. В одной крови...», «...тени стоят не там...».

Четыре запаха. В одной крови.

Для волка смесь запахов – это сигнал опасности. Хищник не пахнет одновременно землёй, небом, хитростью и смертью. Хищник пахнет чем-то одним. А она пахла всем сразу. Она пахла хаосом.

Ракель вздрогнула. И тут же разозлилась на себя за то, что вздрогнула.

***

В доме пахло воском и старым деревом. Всеволод провёл её в свою комнату – ту самую, с картой на стене и камином, в котором всегда тлели угли. Он усадил её на стул, сунул в руки кружку с водой.

– Пей.

Ракель выпила. Вода была холодной, и это немного помогло. Голова всё ещё гудела, но хотя бы перестала раскалываться на две части – левую, горячую, и правую, холодную. Хотя нет. Не перестала. Просто теперь она могла это терпеть.

Всеволод стоял у камина, спиной к ней. Молчал. Ракель видела, как напряжены его плечи, как он сжимает кулаки.

– Дядя, – позвала она. – Скажи что-нибудь. А то твоё молчание действует мне на нервы.

Он обернулся. В его глазах было что-то, чего она раньше не видела. Страх.

– Ты помнишь, что я тебе говорил? – спросил он. – О твоей спине?

Ракель нахмурилась.

– Ты говорил, что у меня там родимое пятно. Что оно было с рождения. Что ведунья сказала – оно не опасно. Что его нельзя... трогать.

– Да. – Всеволод подошёл ближе. – А теперь послушай меня внимательно. Сегодня ты пойдёшь в свою комнату. Закроешь дверь. И не выйдешь до утра. Ни при каких обстоятельствах. Поняла?

Ракель посмотрела на него. А потом – потому что она была Ракель, и потому что она никогда не умела молчать, когда ей говорили молчать, – сказала:

– Нет.

Всеволод моргнул.

– Что?

– Нет, – повторила она, вставая. Кружка в её руке дрогнула, но она поставила её на стол, прежде чем та успела выскользнуть. – Я не пойду в комнату. Я не буду сидеть тихо и делать вид, что ничего не произошло. Я чуть не разнесла двор, дядя. Стёкла вылетели. Земля треснула. А ты хочешь, чтобы я пошла спать?

– Ракель...

– Нет! – Она шагнула вперёд, и жар снова поднялся по спине. Левый висок за пульсировал огнём. Правый отозвался холодом. Голова раскололась надвое – жар и лёд, ярость и покой, желание рвать и желание замереть. – Я имею право знать!

– Ты имеешь право выжить! – рявкнул Всеволод. – И сейчас единственный способ – это сделать – сидеть тихо и не привлекать внимания!

Он схватил её за плечи. Его пальцы были холодными и жёсткими.

– Послушай меня. Я не знаю, что происходит. Я не знаю, что это было. Но я знаю одно: если стая увидит то, что я видел на твоей спине, – тебя не оставят в логове. Тебя выгонят. Или хуже.

Ракель замерла. Не от страха. От злости.

– Что ты видел? – спросила она, и голос её был ровным. Слишком ровным.

Всеволод отпустил её. Отвернулся. Налил себе воды, выпил залпом.

– Волка, – сказал он наконец. – Я видел волка. Чётко. Ясно. Будто кто-то выжег его на твоей коже. А вокруг... вокруг были другие линии. Смутные. Я не смог разобрать. Но они были. И они двигались.

Он повернулся к ней.

– Ракель, когда ты родилась, я забрал тебя из дома, где всё было в крови. Твой отец оставил записку. Твоя мать... её не было. Я не знаю, кто она. Я не знаю, откуда в тебе это. Но я знаю, что старая ведунья, которая смотрела тебя в первую ночь, сказала: «Её нельзя снять. Можно только принять. Или умереть». Я думал, это значит – не трогать. Не вмешиваться. Я ошибался.

Ракель слушала. И где-то глубоко внутри, под слоем злости и бравады, что-то сжалось. Она всегда знала, что она не родная дочь Всеволода. Он говорил ей это с детства. Но он никогда не говорил о крови. О записке. О матери, которой не было.

Он никогда не говорил, почему уверен, что её отец – Дмитрий. Просто принимал это как факт. Как волк принимает запах своей крови. Ракель не спрашивала. До сегодняшнего дня.

– Кто я? – спросила она.

Всеволод долго молчал. Потом сказал:

– Я не знаю. Но я знаю, что сегодня что-то проснулось. И это что-то – в тебе. – Он подошёл и положил руку ей на плечо. – Иди в комнату. Закрой дверь. Я поставлю у твоей двери двух волков. Если что-то почувствуешь – боль, жар, холод, голоса – стучи. Я приду.

Ракель хотела возразить. Хотела потребовать ответов. Но сил не было. Голова гудела, тело ломило, а в глубине сознания всё ещё звучал далёкий вой – тоскливый, зовущий.

Она кивнула. И пошла к двери.

У порога обернулась.

– Дядя... а если это не пройдёт?

Всеволод посмотрел на неё. И в его глазах она увидела то, чего боялась больше всего.

– Тогда мы будем решать, что делать, – сказал он. – Вместе.

***

Ночью Ракель не спала.

Она лежала на кровати, укрывшись одеялом до подбородка, и смотрела в потолок. За окном шумел лес. В коридоре, у двери, тихо переговаривались волки.

А в её голове было не тихо.

Голоса не ушли. Они стали тише, но не исчезли. Волк всё ещё выл где-то далеко – тоскливо, одиноко. Орёл каркал сверху – насмешливо, холодно. Лиса шептала – скользко, вкрадчиво. А Ворон молчал. И это молчание было самым громким.

Ракель повернулась на бок. Потом на другой. Потом села.

Она не могла больше ждать.

Тихо, чтобы не услышали волки за дверью, она подошла к зеркалу. Старое, с потрескавшимся стеклом, оно висело в углу комнаты. Ракель повернулась спиной. Задрала рубашку.

И замерла.

Раньше они были просто тёмными узорами, похожими на старые шрамы. Она привыкла к ним. Иногда даже забывала. Но сегодня...

Сегодня они дышали.

Волк – чёткий, тёмный, будто выжженный, – рычал без звука. Орёл – расправивший крылья, полупрозрачный, мерцающий, – бил крыльями о её лопатки. Лиса – хитрая, с прищуренными глазами, – скользила по коже, как живая. И Ворон – чёрный, неподвижный, с раскрытым клювом, – смотрел прямо на неё из стекла зеркала.

Они были переплетены. Спутаны. И они двигались.

Ракель смотрела на них, и в её голове не прозвучало слово. Не было ни воя, ни карканья, ни шёпота. Было ощущение щелчка замка. Дверь, которая стояла закрытой семнадцать лет, приоткрылась. И из темноты за ней пахнуло древней пылью и холодом.

«Наконец-то», – подумала она. Или это подумал Ворон? Разницы уже не было.

Она резко опустила рубашку. Сердце колотилось, отдаваясь глухими ударами в рёбра. Голова раскалывалась надвое: левый висок горел огнём, правый – леденел. Ей хотелось выть. И молчать. Одновременно.

В дверь постучали.

– Ракель? – Голос Всеволода был напряжённым, как струна. – Ты не спишь?

Она не ответила. Стояла, глядя в зеркало, и видела в нём своё лицо – бледное, испуганное, чужое. На спине, под тканью, четыре знака медленно успокаивались, но не исчезали. Они ждали.

А за окном, в ночном небе, тысячи воронов поднялись в воздух. Они не кружили хаотично. Они выстроились в клин и полетели на север. К горам. К крипте. К тому, что должно было вернуться.

Ракель прижала ладонь к стеклу. Холод прошёл по руке, но внутри всё ещё тлело. Она не знала, что это значит. Но её сердце сжалось, будто кто-то дёрнул за невидимую нить, протянутую через сотни километров.

***

Где-то очень далеко, в высоких горах, среди снегов и камней, мужчина открыл глаза. Он не помнил своего имени. Не помнил, кто он. Не помнил, как сюда попал. Но он услышал крик. Знакомый. Родной. Такой, от которого внутри всё переворачивалось.

Он встал, шатаясь. Ноги не слушались – пятнадцать лет он почти не ходил. Но что-то тянуло его вперёд. Что-то, чего он не мог назвать.

Пятнадцать лет тишины закончились одним криком.

***

В приюте для сирот, за много миль от логова Волков, парень по имени Гордей вздрогнул во сне. На его плече, там, где было родимое пятно в форме пера, вдруг стало горячо. Жар прошёл по руке, ударил в грудь, и глаза сами наполнились слезами. Он не знал, почему, но вдруг захотел плакать. И смеяться. Одновременно. Будто кто-то внутри него наконец-то проснулся после долгого сна.

Он лежал в темноте, глядя в потолок, и слушал, как где-то очень далеко, в ночном небе, кричат вороны.

***

В землях Вороненов, в комнате без окон, женщина в чёрном резко выпрямилась. На столе, под слоем пыли, лежало Золотое Перо. Оно не просто лежало. Оно горело. Тихим, ровным золотым светом, который осветил её бледное лицо и полные ужаса глаза.

Аэлита закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Перо узнало кровь. Дочь проснулась.

И теперь путь назад был отрезан.

***

Ракель стояла у окна, пока вороны не скрылись за горизонтом. Потом медленно опустилась на пол. Прижалась спиной к холодной стене. Закрыла глаза.

«Волк хочет стаю. Орёл хочет небо. Лиса хочет ложь. Ворон хочет тишину».

Она не знала, откуда пришли эти слова. Но они были правдой. Она чувствовала это каждой клеткой своего тела.

«Они не могут договориться. Они рвут меня изнутри».

Она открыла глаза. Посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали.

– Что ж, – сказала она вслух, и голос её звучал удивительно спокойно, почти холодно. – Если они хотят войны внутри меня – пусть получат битву. Но правила буду устанавливать я.

За дверью послышались шаги. Всеволод не уходил. Он стоял там, за дверью, и ждал. Ракель знала это. Чувствовала.

Она поднялась. Подошла к двери. Положила ладонь на дерево.

– Я в порядке, – сказала она. – Иди спать, дядя. Завтра будем решать.

Пауза. Потом тихий голос:

– Ты уверена?

– Нет, – честно ответила Ракель. – Но я не собираюсь сидеть на полу и плакать. Это не мой стиль.

За дверью фыркнули. Почти смешок.

– Ладно. Но я у двери.

– Знаю.

Она отошла. Легла на кровать. Уставилась в потолок.

Голоса в голове притихли. Но не ушли. Они ждали. Так же, как она ждала.

Завтра будет новый день. Завтра будут ответы. Или новые вопросы. Но сегодня...

Сегодня она просто попробует уснуть.

И, вопреки всему, ей это удалось.

ГЛАВА 2. ЧЁРНАЯ МЕТКА

Утро не принесло облегчения. Только серый свет, который резал глаза, и ощущение, будто в черепную коробку кто-то насыпал битого стекла.

Ракель сидела на полу, привалившись спиной к кровати. Спать она так и не легла – просто не смогла заставить себя разжать пальцы, сжимавшие край одеяла. Голова раскалывалась надвое. Левый висок пульсировал сухим, обжигающим жаром, от которого хотелось выть. Правый – леденел, отдаваясь глухим, тяжелым гулом в затылке.

Это было не просто похмелье от магии. Это было так, будто внутри нее кто-то устроил драку, и она проигрывала по всем фронтам.

Волк скулил где-то под ребрами, требуя стаи. Орёл царапал изнутри грудную клетку, требуя неба. Лиса шептала что-то скользкое, предлагая просто соврать всем и сбежать. А Ворон молчал. И от этого молчания закладывало уши.

В дверь постучали. Три коротких, резких удара.

– Ракель. – Голос Всеволода звучал глухо, будто он говорил через подушку. – Открой.

Она поднялась. Колени предательски хрустнули. Поправила рубашку, одернула подол штанов. Выглядеть разбитой она не собиралась. Ни перед ним, ни перед стаей.

Щелкнул замок. Дверь открылась.

Всеволод стоял на пороге, и Ракель с удивлением поняла, что за ночь он постарел лет на десять. Под глазами залегли глубокие тени, скулы заострились, а обычно жесткая линия рта сейчас была плотно сжата, будто он сдерживал рвотный позыв. За его спиной, переминаясь с ноги на ногу, стояли двое волков – молодые, но уже с жесткими, настороженными взглядами. Они смотрели на Ракель, как на дикого зверя, которого в любой момент может сорвать с цепи.

– Ты не спала, – сказал Всеволод. Это был не вопрос.

– И ты не спал, – парировала она, кивнув на его помятый воротник. – Мы квиты. Что происходит, дядя?

– Проходи. – Он посторонился, пропуская ее в коридор, но не сводил с нее глаз. – И не отставай. Нам нужно поговорить.

Они спустились в его кабинет. Тот самый, с картой на стене и камином. Сейчас камин не горел, и в комнате было зябко. Пахло старым деревом, табаком и.… чем-то еще. Чем-то кислым и тревожным.

Всеволод закрыл дверь, подошел к столу и тяжело опустился в кресло. Ракель осталась стоять. Скрестила руки на груди, склонила голову набок. Бравада. Ее единственная броня.

Он выдвинул ящик стола. Достал что-то маленькое, темное и положил на столешницу.

Это был ворон. Не живой. Вырезанный из черного обсидиана, с глазами из крошечных красных рубинов. На его лапе была привязана лента с черной восковой печатью, на которой проступал странный, замысловатый знак – круг, перечеркнутый кривой линией.

– Это нашли у ворот на рассвете, – сказал Всеволод. Голос его дрогнул. – Черная метка, Ракель. Древний Закон.

– Какой еще закон? – Она прищурилась, чувствуя, как холод с правого виска медленно перетекает в шею.

– Старый. Кровавый. – Всеволод сжал виски, будто пытался выдавить из головы боль. – Те, чья сила ломает печать раньше срока... считаются угрозой. Обычно таких изолируют. Или убивают.

Он поднял на нее глаза, полные тьмы и страха.

– Мстислав Воронен уже знает. Его ворон был здесь через час после твоего крика. Если ты останешься в логове, стая потребует твоей головы, чтобы умилостивить старейшин. Они боятся тебя, Ракель. А страх делает волков жестокими. Я не смогу их остановить.

Ракель почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тот самый страх, который она так старательно прятала под маской цинизма. Страх быть брошенной.

– Так ты сдаешь меня им? – Ее голос был ровным. Слишком ровным.

– Я отправляю тебя в единственное место, где Древний Договор запрещает проливать кровь «пробудившихся» до Совета. – Он поднялся, подошел к ней вплотную. От него пахло табаком и мужским потом. – Цитадель Восьми. Это не школа. Это клетка из золота и камня. Но это единственная клетка, где ты выживешь сегодня ночью.

Она смотрела в его глаза. Искала там ложь. И не находила. Только страх и глухую, звериную боль.

– Ты поедешь под видом дальней родственницы, – продолжил он. – Дочь моего двоюродного брата. Никто не должен знать, кто ты на самом деле. Никто не должен знать о четырех тенях.

Ракель медленно выдохнула. И в тот момент, когда она кивнула, принимая свою судьбу, спину обожгло. Резко, до звезд в глазах. Печать под рубашкой вспыхнула, будто четыре зверя внутри нее одновременно вонзили когти в ее плоть. Она дернулась, но устояла на ногах, вцепившись в край стола.

Всеволод заметил. Его лицо исказилось.

– Они реагируют на твой страх, – тихо сказал он. – И на твою злость.

Он полез в карман и достал маленький, потертый клык волка на кожаном шнурке. Старый. Пожелтевший от времени.

– Это нашли рядом с тобой в ту ночь, – сказал он, вкладывая клык ей в ладонь. – Твой отец оставил. Я не знаю, что это значит. Но пусть будет с тобой. В Цитадели холодно. Может, согреет.

Ракель сжала клык. Он был гладким и чуть теплым.

– Собирайся, – сказал Всеволод, отворачиваясь. – Карета прибудет через час.

***

Карета оказалась черной, как смоль, и такой же душной. Внутри пахло старой кожей, пылью и чем-то пряным, вроде лаванды, которой пересыпали сиденья, чтобы заглушить запах чужих зверей. Окна были затянуты плотной тканью, и Ракель могла видеть внешний мир лишь через крошечную щель в занавеске.

Дорога началась с земель Волков – ровных, покрытых густым лесом. Но вскоре пейзаж за окном начал меняться.

Когда они проезжали границы Лисовских, Ракель заметила, как тени деревьев за окном начали вести себя странно. Они вытягивались, извивались, будто живые змеи, и складывались в причудливые фигуры. На секунду ей показалось, что она видит лису, сидящую на ветке, но, когда она моргнула – видение исчезло.

Лиса внутри нее довольно зашевелилась. *«Наша земля. Наша ложь. Даже стены здесь дышат обманом».*

Потом пошли земли Гризли. Дорога стала тряской. Под колесами глухо рокотала земля, и это был не просто звук – это была вибрация, отдающаяся в костях. Волк внутри Ракель напрягся, принюхиваясь. *«Сила. Тяжелая. Каменная».*

А когда они приблизились к горным перевалам Соколов, ветер за окном стал резким, злым. Он бил в стекло, завывал в щелях, и от его порывов тонкая ткань занавески трепетала, как крыло раненой птицы. Орёл внутри нее встрепенулся, расправляя невидимые крылья. *«Высота. Хищники. Опасность сверху».*

В этот момент дверь кареты открылась, и внутрь, пыхтя и отряхиваясь, забрался парень.

Рыжий. Веснушчатый. С улыбкой, от которой сразу захотелось проверить, на месте ли кошелек. Он плюхнулся напротив, вытянул длинные ноги в дорогих сапогах, и его хитрые

зеленые глаза мгновенно оценили Ракель – от стоптанных ботинок до зашитого ворота куртки. Взгляд был цепким, как у торговца, прикидывающего цену товара.

– Марк Лисовский, – представился он, даже не пытаясь скрыть, что рассматривает ее. – А ты, значит, та самая «дальняя родственница» Волковых. Наслышан.

– Надеюсь, слухи врут, – отрезала Ракель, отворачиваясь к окну.

– О, я тоже на это надеюсь, – легко согласился Марк. Он чуть наклонился вперед, опершись локтями на колени. – Знаешь, у меня есть одна теория. Ты пахнешь не только Волками. И не только землей. Ты пахнешь... чем-то еще. Чем-то, что заставляет мою лисью кровь нервно биться в пятки. И это делает тебя чертовски дорогой.

– У тебя лисьи пятки? – Ракель подняла бровь.

– Фигурально. – Он ухмыльнулся. – Слушай, у меня есть предложение. Я знаю, кто ты. Или, по крайней мере, догадываюсь. Ты не просто родственница. Ты – что-то большое. И я могу рассказать тебе то, чего не знают даже твои драгоценные Волки. За одну услугу. Позже.

Ракель почувствовала, как внутри Лиса встрепенулась. Ей понравилась эта игра.

«Он врет так же красиво, как мы», – прошептал внутренний голос.

Но Ракель заставила себя не вестись.

– Услуга? – Она смерила его презрительным взглядом. – Ты даже не знаешь, о чем говоришь, рыжий.

– О, я знаю больше, чем ты думаешь, – Марк подмигнул. – Но, как говорится, время – деньги. А деньги – это информация. Подумай. У тебя будет время.

Дверь снова открылась, и в карету, с трудом протиснувшись в дверной проем, ввалилась девушка. Крупная, широкоплечая, с темной косой, перекинутой через плечо. На шее у нее висело ожерелье из медвежьих клыков, которые тихо постукивали друг о друга при каждом движении.

– Влада Гризли.

Она тяжело опустилась на сиденье рядом с Ракель, и карета слегка качнулась. Ее карие глаза, внимательные и настороженные, уставились на Ракель. Она шумно втянула воздух носом, и ее лицо исказилось, будто она учуяла что-то неприятное.

– Ты врешь, – сказала Влада. Просто. Без обиняков.

– Прости? – Ракель напряглась.

– Ты пахнешь Волком. Но не так, как остальные. Ты пахнешь... ложью. И чем-то чужим. – Влада потерла нос, поморщилась, будто от боли. – Меня тошнит от лжи. Физически. Так что давай сразу договоримся: не ври мне. Я уважаю силу. Но не люблю, когда мне пудрят мозги.

Ракель посмотрела на нее. На прямую, честную до жестокости. И вдруг поняла, что эта девушка – единственная, кому можно верить. Потому что она не умеет врать.

Волк внутри нее тихо, уважительно рыкнул. *«Сила. Земля. Не предаст».*

– Договорились, – кивнула Ракель. – Я не буду врать тебе. Но и рассказывать всю правду не стану.

Влада хмыкнула.

– Честно. Уже лучше.

Третьим в карету забрался парень. Светловолосый, с орлиным носом и голубыми глазами. Он сутулился, будто извинялся за то, что занимает место. На груди у него блестела старая, потемневшая от времени брошь в виде орла. В руках он сжимал потрепанный свиток, который, судя по всему, пытался читать в дороге.

Он сел напротив, посмотрел на Ракель и вдруг заикнулся.

– Ты... ты ведь Р-рак-кель? – Он густо покраснел, и от волнения у него из рук выскользнул свиток. Он бросился его поднимать, ударился плечом о стенку кареты и окончательно смутился. – П-прости. Я слышал о тебе. Ты т-та, кто п-победил в схватке с тенью. Это... это легенда.

Ракель удивленно моргнула.

– Я никого не побеждала. Я просто... тренировалась.

– Н-но ты ведь Волк! – В его глазах было столько искреннего, отчаянного обожания, что ей стало не по себе. – Настоящий Волк. Я – Ростислав. Ростислав Орлов. Я.… я мечтаю вернуть славу своему роду. И я думаю, что ты... ты сможешь помочь.

Ракель отвернулась. Обожание было хуже презрения. Оно требовало ответственности, которой она не хотела.

– Не надейся на меня, Орлов, – сказала она, глядя в окно. – Я не герой. Я просто пытаюсь выжить.

***

Цитадель Восьми появилась внезапно. Карета выехала из леса, и мир за окном рухнул в пропасть.

Впереди, на краю огромного ущелья, вросшего в скалы, возвышалась крепость. Она не была красивой. Она была пугающей. Черные шпили, казалось, пронзали само небо, а стены, сложенные из грубого камня, были увиты плющом, который казался черным на фоне серого неба. Внизу, в ущелье, клубился туман, и оттуда тянуло холодом и сыростью.

– Добро пожаловать в Цитадель, – тихо сказал Марк, и в его голосе впервые не было привычной насмешки. – Место, где хранятся секреты восьми семей. И где некоторые из них хоронят.

Карета остановилась. Дверь открылась.

Ракель вышла первой.

Холодный ветер ударил в лицо, взметнув подол ее куртки. Она огляделась. Двор крепости был заполнен людьми. Наследники. Молодые, надменные, с дорогими клинками и еще более дорогими амулетами. Они стояли группами, переговаривались, бросали взгляды друг на друга. И все они обернулись, когда карета Волков прибыла.

Ракель почувствовала, как десятки глаз впились в нее.

И тут же, откуда-то сбоку, раздался звонкий, издевательский голос.

– О, смотрите-ка. Приехали звери.

К ней направлялся парень. Высокий, широкоплечий, светловолосый. На левой щеке – тонкий, аккуратный шрам. На шее – серебряная цепь с когтем сокола. Он двигался уверенно, пружинисто, будто готовился в любой момент нанести удар.

Яромир Соколов.

Он остановился в двух шагах от Ракель, окинул ее оценивающим взглядом. Его серые глаза сузились.

– Значит, это ты – та самая «дальняя родственница» Волков? – Он скривил губы в презрительной усмешке. – Слабовато выглядишь для волка. Больше похожа на побитую собаку.

Ракель почувствовала, как внутри Волк оскалился. Ярость поднялась горячей волной, но она задушила ее в зародыше. Не здесь. Не сейчас.

– А ты, – она оглядела его с ног до головы, – видимо, тот самый петух, который думает, что если громко кукарекает, то уже умеет летать.

В толпе кто-то фыркнул. Яромир дернулся, как от пощечины. Его рука инстинктивно легла на рукоять кинжала. Орёл внутри Ракель напрягся, готовясь к атаке сверху.

– Следи за языком, зверушка.

– А то что? – Ракель шагнула вперед. Между ними осталось не больше локтя. Она смотрела прямо ему в глаза. – Клюнешь?

Повисла напряженная тишина. Воздух стал густым, как смола. Казалось, еще секунда – и они сцепятся прямо здесь, на глазах у всех.

– Яромир. Остынь.

Голос раздался из тени. Ракель обернулась.

Он появился бесшумно, будто просто отделился от стены. Худой, гибкий, с черными волосами до плеч. Глаза – зеленые, с вертикальным зрачком, как у кошки. Одет во все темное.

Тарен Лео.

Он подошел ближе, обошел Ракель по кругу, будто оценивая товар. Втянул носом воздух. И вдруг ухмыльнулся.

– А знаешь, – сказал он, и в его голосе была странная смесь восхищения и опасности, – ты пахнешь как четыре трупа в одной могиле. Мне нравится.

Ракель опешила. Это было настолько неожиданно, что она даже не нашлась, что ответить. Лиса внутри нее тихо хихикнула: *«А он забавный. Опасный, но забавный».*

Тарен тем временем подошел к Яромиру и легонько толкнул его в плечо.

– Оставь ее, Соколов. Не видишь – она еще не привыкла к нашему зверинцу.

Яромир зло сверкнул глазами, но отступил. Бросил на Ракель последний, полный обещания взгляд, и ушел.

Ракель выдохнула.

И тут же почувствовала, как кто-то стоит у нее за спиной.

Она обернулась.

Девушка. Бледная, как первый снег. Черные волосы, в которые были вплетены вороньи перья. Глаза – темные, бездонные, как обсидиан. Одета в черное платье с высоким воротом.

Ирма Воронен.

Она не улыбалась. Не хмурилась. Просто смотрела. Молча. И от этого взгляда у Ракель по спине поползли мурашки. Казалось, эта девушка видит ее насквозь.

Ворон внутри Ракель замер. Полностью. И это было страшнее любого воя.

Ирма шагнула ближе. Наклонилась к самому уху. И прошептала – так тихо, что Ракель едва разобрала слова:

– За тобой кто-то стоит. В чёрном. Без рта.

Ракель вздрогнула. И в то же мгновение перед ее внутренним взором вспыхнул образ. Женщина в черном. Бледная. С растрепанными волосами. И там, где должно было быть лицо – гладкая, пустая кожа. Без рта.

Видение длилось долю секунды. Но Ракель почувствовала, как холодный пот выступил на лбу. Она обернулась. За ней никого не было. Только ветер, только тени.

Но когда она снова посмотрела на Ирму, та уже уходила, растворившись в толпе, как призрак.

А Ракель осталась стоять, чувствуя, как внутри, в самом центре ее сознания, Ворон наконец-то открыл глаза.

И каркнул.

«Она видит то, что есть. Будь осторожна».

Ракель медленно выдохнула. Сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль вернулась, но теперь она была знакомой. Контролируемой.

Она подняла голову, оглядывая двор. И вдруг ее взгляд зацепился за фигуру в стороне от толпы. Парень в серой, простой одежде служителя. Он не смотрел на нее с презрением, как Соколовы, или с хищным интересом, как Лео. Он смотрел на нее с пугающим, странным спокойствием. Будто знал что-то, чего не знала она.

Их глаза встретились на секунду. И Ракель показалось, что в воздухе между ними пробежала искра. Теплая. Обжигающая.

Парень тут же отвел взгляд и скрылся в дверях крепости.

– Что ж, – пробормотала Ракель себе под нос, глядя на мрачные шпили Цитадели. – Добро пожаловать в ад.

Она шагнула вперед.

Игра началась. И в ней было четыре игрока вместо одного.

ГЛАВА 3. ПАРИ НА ПЕПЕЛИЩЕ

Утро в Цитадели пахло сыростью и старой золой.

Ракель проснулась от того, что замерзла. Комната, выделенная ей, была больше похожа на монашескую келью: узкая кровать, грубый деревянный стол, окно с видом на туманное ущелье. Камень стен был холодным, как лёд, и, казалось, вытягивал тепло из воздуха.

Она села на кровати, пытаясь согреться. Инстинктивно потянулась внутрь себя, к Волку. Раньше, в логове, его тепло всегда согревало её, даже в самые лютые морозы. Но сейчас зверь только глухо заворчал где-то под рёбрами.

«Здесь пахнет чужаками. Птицами. Мертвецами. Не хочу вылезать».

Ракель вздохнула, сжала кулаки. Она запустила руку под тонкую подушку и нащупала там маленький, тёплый предмет. Клык. Тот самый, что дал ей Всеволод. Она сжала его в ладони, чувствуя, как шершавая кость впитывает холод её кожи. Якорь. Единственное, что связывало её с домом.

Она оделась быстро, без лишних церемоний. Тёмные штаны, рубашка, куртка. Волосы заплела в тугую косу. В зеркале отразилась бледная девушка с серо-зелёными глазами, в которых застыла настороженность загнанного зверя.

Общий зал для завтрака встретил её гулом голосов и звоном столовых приборов. Длинные дубовые столы ломились от еды, но атмосфера была тяжёлой. Наследники сидели кучками, по семьям. Птицы – отдельно, звери – отдельно. Они ели молча, бросая друг на друга косые взгляды.

Ракель вошла, и гул на секунду стих. Десятки глаз впились в неё. Она чувствовала запах их эмоций: презрение, любопытство, страх. Она прошла к свободному месту, не опуская головы.

За столом Волков, где ей полагалось сидеть, было пусто. Никто из её «родственников» не соизволил приехать. Она села одна.

Напротив, за столом Орловых, сидел Ростислав. Он держал в руках древний свиток, пытаясь читать, но при её появлении густо покраснел. Свиток предательски выскользнул из потных пальцев и шлепнулся прямо в тарелку с овсянкой. Ростислав ахнул, словно совершил государственную измену. Он судорожно попытался вытащить пергамент, но лишь размазал кашу по древним буквам. Подняв глаза на Ракель, он замер, ожидая насмешки, готовый провалиться сквозь землю.

Ракель, жуя хлеб, едва заметно кивнула ему. Вежливо. Холодно.

Плечи Ростислава опали, и он выдохнул так громко, что загудели свечи на столе. Он быстро уставился в свою тарелку, делая вид, что ничего не произошло, но уголки его губ дрогнули в благодарной полуулыбке.

– Не стоит его поощрять, – раздался над ухом скрипучий голос.

Перед ней стоял старый Гризли – наставник по боевой подготовке. Огромный, с седой бородой, он больше походил на скалу, чем на человека.

– Почему? – Ракель даже не повернула головы.

– Потому что он Орлов, – отрезал старик. – А ты – Волк. Или забыла?

– Я ничего не забываю, – отрезала Ракель.

Гризли хмыкнул, но ничего не сказал.

После завтрака всех наследников собрали на внутреннем дворе. Здесь раздавали задания: лекции по истории, тренировки, дежурства. Стоял промозглый ветер, и Ракель зябко передёрнула плечами.

– На сегодня, – объявил Гризли, – спарринги. Пары распределены по силе и стихии.

Он начал зачитывать имена. Когда дошло до Ракель, он назвал её в паре с Яромиром Соколовым.

Яромир, стоявший в окружении своих приспешников, демонстративно скрестил руки на груди. Его шрам на щеке побелел.

– Нет, – сказал он громко, так, чтобы слышали все. – Я не буду драться с этим... отродьем.

По толпе прошёл шепоток. Ракель почувствовала, как внутри неё Орёл встрепенулся, расправляя крылья.

– Это почему же? – Гризли нахмурился, его голос стал ниже, опаснее.

– От неё пахнет неправильно, – Яромир шагнул вперёд, обводя толпу взглядом, полным брезгливости. – Не чисто волчьим запахом. Чем-то чужим. Гнилым. Мы не знаем, что скрывается под этой маской. Она – угроза стабильности стаи. Я требую отправить её в изолятор до Обряда Резонанса. Пусть Хранители проверят её кровь на порчу.

Ракель чувствовала, как внутри Лиса тихо рассмеялась. *«Смотри, как он боится того, чего не понимает. Смотри на его плечи. Они напряжены. Он ждёт удара. Ударь его словами. Это будет больнее».*

Она не стала кричать. Не стала оправдываться. Она просто улыбнулась – медленно, хищно, той самой улыбкой, от которой у людей холодело внутри.

– Боишься, что птичка сломает крыло о волчью шерсть? – её голос прозвучал тихо, но в наступившей тишине его услышали все. – Или боишься, что я увижу твою дрожь, когда ты будешь падать?

Яромир побледнел. Его рука инстинктивно легла на рукоять кинжала.

– Да как ты смеешь...

– Довольно! – рявкнул Гризли. Его голос ударил по ушам, как каменная лавина. – Я сказал – в паре. Значит, в паре.

Он перевёл тяжёлый взгляд с Яромира на Ракель и обратно.

– Раз вы оба такие... горячие, – он сделал паузу, смакуя слово, – то вместо спарринга отправитесь в Архивы. Будете разбирать старые свитки. Вместе. Может, научитесь терпеть друг друга. Или хотя бы не убивать при первой возможности.

Яромир хотел возразить, но Гризли уже отвернулся, объявляя следующую пару. Яромир бросил на Ракель взгляд, полный ненависти, и резко развернулся, уходя.

Ракель выдохнула, чувствуя, как напряжение отпускает плечи.

***

После завтрака она направилась к Архивам. Путь лежал через длинную колоннаду, увитую плющом. Ветер здесь гулял особенно сильно, завывая в каменных пролётах и создавая идеальную звуковую завесу. Именно поэтому те двое, стоявшие в тени за колоннами, не заметили, как Ракель замерла, прижавшись спиной к холодному камню.

Она услышала голоса.

Яромир нервно курил, выпуская клубы едкого дыма. Тарен, напротив, стоял расслабленно, прислонившись к стене, и лениво вертел в руках небольшой кинжал.

– Она дерзкая, – процедил Яромир, стряхивая пепел. – Её нужно сломать. Сделать послушной. Я заставлю её признать превосходство Соколов.

Тарен усмехнулся.

– Скучно, птичка. Сила – это грубо. Ты хочешь сломать её тело. А я.… – он сделал паузу, и его голос стал вкрадчивым, почти мурлыкающим. – Я сделаю иначе. Я заставлю её *захотеть* меня. Или хотя бы думать обо мне чаще, чем о тебе.

Яромир резко обернулся.

– Спорим?

Тарен поднял бровь.

– На что?

– Кто первый заставит её потерять самообладание. – Яромир оскалился. – Кто первый получит её взгляд, полный желания или ненависти, но *лично к нему*. Проигравший чистит конюшни Соколов месяц.

Тарен задумался на секунду. А потом его губы растянулись в хищной улыбке.

– Принято. Но учти, птичка, я играю грязно.

Ракель стояла за колонной, чувствуя, как внутри неё Лиса буквально заходится от хохота.

«О, какая вкусная игра! Двое петухов решили подраться за курицу. Но курица-то с когтями!»

Волк глухо зарычал. *«Мужчины. Идиоты. Они не видят в тебе врага. Они видят трофей».*

Ракель сжала зубы. Злость – холодная, острая – поднялась откуда-то из желудка. Она стала объектом спора. Ставкой в чужой игре. Мужское эго. Одно и то же, везде, во всех семьях.

Она медленно выдохнула. Что ж. Если они хотят игру – они её получат.

***

Внутри Архивов пахло пылью, старой кожей и воском. Бесконечные стеллажи уходили под самый потолок, теряясь в полумраке. Здесь было тихо, только где-то вдалеке капала вода.

Ракель вошла и сразу увидела Владу. Девушка стояла у огромного стола, на котором громоздились горы старых свитков. Она деловито перетаскивала их с места на место, и её мышцы на руках играли при каждом движении.

Влада подняла голову, принюхалась и поморщилась.

– От тебя пахнет злостью, – сказала она, откладывая свиток. – И.… смехом. Странная смесь. Что случилось?

Ракель подошла ближе, оперлась бедром о край стола.

– Ты умеешь хранить секреты?

Влада посмотрела на неё своими честными карими глазами.

– Я не умею врать, – сказала она. – Если спросят – скажу правду. Но если не спросят – я немой камень.

Ракель кивнула.

– Соколов и Лео заключили пари. Кто первый заставит меня потерять самообладание. Кто первый получит мой взгляд... полный желания или ненависти. Но лично к нему.

Влада замерла. Её лицо медленно наливалось краской. Она сжала кулаки, и Ракель услышала, как хрустнули костяшки.

– Мужчины, – прорычала Влада. – Идиоты.

Она посмотрела на Ракель.

– Ты хочешь, чтобы я сказала им, что слышала?

– Нет, – Ракель покачала головой. – Я хочу, чтобы ты была моим щитом. Когда они начнут свои игры – предупреждай меня. А я.… я сыграю в их игру лучше них.

Влада смотрела на неё долго, изучающе. А потом медленно кивнула.

– Договорились. Но если Тарен попытается тронуть тебя без спроса – я сломаю ему руку. Без пари.

– Договорились, – Ракель улыбнулась. Впервые за это утро улыбка была искренней.

***

Вечером Ракель вышла из Архивов, чувствуя, как ноют плечи от тяжёлых фолиантов. Свитки были старыми, пыльными, и от них пахло так, будто их не открывали лет сто.

Она шла по коридору, когда тень у стены шевельнулась.

Ракель остановилась.

Тарен отделился от стены, как кусок тьмы. Он появился беззвучно и, если бы не инстинкты Волка, она бы его не заметила.

В его руке лениво вращалось яблоко. Оно было неестественно красным, почти черным в тени, и покрылось инеем, хотя в коридоре было тепло. Тарен держал его двумя пальцами, словно ядовитую лягушку.

– Ты выглядишь голодной, Волчица, – сказал он, протягивая яблоко. Его голос был мягким, вкрадчивым, как шёлк, но улыбка не касалась глаз. – Соколы едят много, но дают мало.

Ракель посмотрела на яблоко. Потом на его лицо. На его глаза с вертикальным зрачком, которые следили за каждым её движением. Он ждал реакции. Ждал, что она смутится, или обрадуется, или, может быть, бросит яблоко ему в лицо.

Она не сделала ни того, ни другого. Она улыбнулась. Медленно, хищно, той самой улыбкой, которая пугала даже духов.

– Спасибо, Тень, – сказала она, беря яблоко. – Но я предпочитаю мясо.

Она поднесла яблоко к лицу, вдохнула его запах – холодный, будто из погреба.

– Яблоки оставляют кислый привкус. А я не люблю кислое.

Она протянула яблоко обратно.

Тарен не взял его. Он смотрел на неё, и в его глазах вспыхнул странный огонёк. Не злость. Не обида. Интерес.

– Осторожнее, – сказал он тихо. – Кислота разъедает.

Он шагнул назад, растворяясь в тени.

– До завтра, Волчица.

И исчез.

Ракель осталась стоять, держа в руке яблоко.

«Он понял», – прошептала Лиса.

«Он играет», – отозвался Волк.

«Он опасен», – каркнул Ворон.

Ракель посмотрела на яблоко. А потом, усмехнувшись, откусила. Оно было сладким.

***

Вернувшись в свою комнату, она первым делом подошла к зеркалу. Повернулась спиной, задрала рубашку. Четыре тени на её спине были спокойны. Они не двигались, не дышали, не рвались наружу. Но Ворон тихо, настойчиво каркнул в её голове.

«Игра опасна. Помни, кто ты».

Ракель опустила рубашку. Она помнила.

Она села на кровать, обхватила колени руками. Цитадель была не просто тюрьмой. Это было поле битвы. И оружием здесь были не клинки. Оружием были эмоции.

В дверь постучали.

Ракель напряглась.

– Кто там?

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась рыжая голова. Марк Лисовский. Он ухмылялся, и его зелёные глаза хитро блестели.

– Чую запах мужского тщеславия, – сказал он, прислонившись к косяку. – Соколов ходит черный, как туча, того и гляди клюнет кого-нибудь. А Тень... Тень слишком часто появляется там, где проходишь ты. Кажется, Волчица, ты стала причиной чьего-то спора.

Он проскользнул в комнату, огляделся с профессиональным интересом оценщика.

– Хочешь купить информацию о слабостях Сокола? – он понизил голос до заговорщицкого шёпота. – Скидка для друзей. Ну, или для тех, кто пока не враг.

Ракель посмотрела на него. На его наглую ухмылку, на рыжие волосы, на веснушки.

– А что ты хочешь взамен? – спросила она.

Марк подмигнул.

– Пока ничего. Считай это... инвестицией.

Он шагнул назад в коридор.

– Подумай, Волчица. Информация – это сила. А сила тебе понадобится.

Дверь закрылась.

Ракель осталась одна.

Она посмотрела на клык, лежащий на столе. Потом на яблоко, которое всё ещё держала в руке.

Игра началась. И в ней было больше игроков, чем она думала.

Она откусила ещё кусок яблока.

– Что ж, – сказала она в пустоту. – Посмотрим, кто кого.

ГЛАВА 4. ОБРЯД РЕЗОНАНСА

Утро началось с колокола.

Низкий, тяжёлый гул прокатился по камням Цитадели и застрял где-то в основании черепа. Ракель проснулась от него, как от удара. Лежала, глядя в потолок, и слушала, как за окном воет ветер. В ущелье под стенами клубился туман, такой густой, что казалось – крепость парит над молочным морем.

Голова была тяжёлой. Не болела – именно тяжёлой, будто кто-то за ночь насыпал в неё песка. Левый висок отзывался глухим жаром, правый – холодом. Волк ворчал под рёбрами, недовольный чужим запахом камня. Орёл царапал грудную клетку, требуя неба. Лиса молчала – выжидала. А Ворон... Ворон не спал всю ночь. Ракель чувствовала его присутствие где-то на периферии сознания, тихое и настороженное, как часовой.

Она села. На столе лежал клык на кожаном шнурке – подарок Всеволода. Рядом – огрызок яблока Тарена. Она не выбросила его. Не спрашивайте почему.

В дверь постучали. Не Всеволод – его шаги были тяжелее. Эти были лёгкими, быстрыми.

– Вставай, Волчица. Сегодня большой день.

Голос Марка. Ракель открыла дверь. Рыжий стоял на пороге, уже одетый, с идеально уложенными волосами – будто и не ложился. В руке он держал свёрнутый лист пергамента.

– Обряд Резонанса, – сказал он, не дожидаясь вопроса. – Через час. Все наследники должны коснуться Центрального Монолита. – Он помолчал, потом добавил тише: – Тебе стоит знать. Монолит – не просто камень. Его создали тринадцать старейшин, когда накладывали первую Печать. Он чувствует кровь. Если ты попытаешься что-то скрыть – он покажет.

Ракель смотрела на него. Лиса внутри неё навострила уши. «Он не врёт. Но он что-то недоговаривает».

– Почему ты мне это говоришь? – спросила она.

Марк улыбнулся – той самой улыбкой, от которой хотелось проверить кошелёк.

– Потому что хаос выгоднее порядка. А Соколы любят порядок. Я люблю... возможности. – Он пожал плечами. – Считай это вложением.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но задержался.

– И ещё. Вороны Мстислава кружат над Цитаделью с рассвета. Хранители получили требование от Воронена: выдать «аномалию» по Древнему Закону. Если Монолит покажет что-то не то – тебя не просто оставят под наблюдением. Тебя отдадут ему.

Он ушёл прежде, чем она успела ответить.

Центральный Монолит стоял в главном зале Цитадели – огромном помещении с высоченным сводчатым потолком, терявшимся в полумраке. Каменные стены были увиты чёрным плющом, а в центре, на возвышении из тёмного гранита, возвышался сам Монолит – столб чёрного камня в два человеческих роста, с прожилками, которые слабо светились изнутри. Красноватыми. Как угли под пеплом.

Вокруг уже собрались наследники. Птицы – слева, звери – справа. Старшие – впереди. Хранители – трое стариков в серых балахонах с капюшонами – стояли у подножия Монолита. Ракель знала о них немного. Говорили, что они отреклись от своих семей много лет назад – не то чтобы отказались от крови, но перестали быть Волками, Орлами, Гризли. Они стали Хранителями. Служили не роду, а Цитадели. Их не любили. Их боялись. Потому что они помнили всё, что семьи хотели бы забыть.

Старший из них – сухой старик с лицом, похожим на старую карту – поднял руку. Гул голосов стих.

– Наследники, – произнёс он. Голос у него был скрипучий, как несмазанное колесо. – Сегодня мы проверим ваши печати. Подходите по одному. Коснитесь Монолита. Он покажет вашу кровь. Вашу силу. Вашу суть. Скрывать бесполезно. Монолит видит всё.

Первым вышел парень из Гризли. Коснулся камня. Монолит вспыхнул тёмно-коричневым, и по поверхности пробежал силуэт медведя. Хранители кивнули. Следующая – девушка из Лео. Монолит отозвался зелёным, и на миг в камне мелькнул гибкий кошачий силуэт.

Очередь шла. Птицы – светлые вспышки, силуэты крыльев. Звери – тёмные, тяжёлые. Всё было правильно. Всё было предсказуемо.

Ракель стояла в стороне, чувствуя, как напряжены плечи за спиной. Яромир смотрел с презрением. Тарен – с интересом. Влада – с тревогой. А Ирма... Ирма стояла в тени колонны и не сводила с Ракель глаз. Бледная, неподвижная, как статуя. И её губы беззвучно шевелились – будто она шептала что-то, чего никто не слышал.

Потом вышла Ракель.

Она чувствовала, как затихли голоса. Как Влада чуть подалась вперёд, готовая вмешаться. Как Тарен перестал вертеть кинжал. Как Ирма перестала шептать.

Она подошла к Монолиту. Камень был холодным. От него пахло чем-то древним – пылью, железом и чем-то ещё, чего она не могла назвать. Чем-то живым.

– Коснись, – сказал Хранитель.

Ракель положила ладонь на камень.

И в ту же секунду четыре голоса в её голове взвыли одновременно.

Волк рванулся вперёд, требуя показать себя. Орёл взметнулся вверх, к невидимому небу. Лиса скользнула в сторону, пытаясь спрятаться. Ворон... Ворон молчал. Но его молчание было тяжелее любого крика.

Ракель стиснула зубы. *Только Волк. Покажи только Волка. Спрячь остальных.*

Она потянулась внутрь себя, к серому зверю. Ухватилась за его ярость, за его силу, за его голод. И толкнула вперёд.

Монолит вспыхнул.

Серым. Тёмным. Волчьим.

На миг по камню пробежал силуэт зверя – оскаленная пасть, горящие глаза. Хранители кивнули. Яромир презрительно фыркнул. Влада выдохнула.

А потом что-то пошло не так.

Левый висок Ракель обжёг огонь. Не волчий, не орлиный. Что-то древнее, чужое, но знакомое. Будто где-то далеко, в глубокой крипте, проснулся уголёк и потянулся к ней. Она ещё не знала, что это. Но тело помнило. Правый висок сковало льдом. Голова раскололась надвое, и из горла вырвался хрип. Она попыталась отнять руку, но ладонь будто приросла к камню.

Монолит треснул.

Тонкая линия пробежала по поверхности – от основания до середины. Из трещины вырвался свет: серый, золотой, зелёный, чёрный. Четыре цвета. Четыре тени. Они сплелись, заметались, будто дрались за место. А потом погасли.

Ракель отбросило назад.

Она упала на колени, и из носа хлынула кровь – тёмная, густая, сразу залившая подбородок и воротник. В зале погасли все свечи одновременно. Тьма хлынула со стен, и в этой тьме Орёл внутри неё вдруг расправил крылья – жадно, хищно, будто почувствовал себя хозяином ночи. Ворон тянулся к теням на стенах, и они тянулись к нему. А Волк... Волк сжался, недовольный.

Тени на стенах вытянулись, почернели, задрожали – будто хотели оторваться от камня и броситься к ней. На миг Ракель показалось, что она слышит карканье – сотни воронов, невидимых, но близких. А потом свечи вспыхнули снова, и всё стихло.

Она подняла голову. Ладонь горела. На камне остался отпечаток – тёмный, будто выжженный. И трещина. Она не исчезла.

Ирма Воронен стояла у колонны, зажимая уши руками. Её лицо было белее мела. Глаза – огромные, обсидиановые – смотрели на Ракель с ужасом. И с чем-то ещё. С узнаванием. Будто она только что увидела то, чего боялась всю жизнь. Она открыла рот, но не сказала ни слова. Просто смотрела. И Ракель почувствовала, как Ворон внутри неё отозвался на этот взгляд – тихо, предупреждающе. «Она знает. Она видела. Будь осторожна».

Хранители смотрели на Монолит. Потом на Ракель. Потом снова на Монолит.

– Это... – начал младший. – Это невозможно.

– Аномалия, – отрезал старший. Его голос был ровным, но глаза – глаза выдавали. – Печать нестабильна. Кровь... спутана.

Он посмотрел на Ракель. Долго. Изучающе.

– Ты скрывала что-то, – сказал он. – Монолит показал больше, чем ты хотела. Но не всё. – Он помолчал. – Мы не знаем, что это. Пока. Но Совет будет поставлен в известность. И Мстислав Воронен уже потребовал твоей выдачи. Треснувшая печать – достаточный повод.

По толпе прошёл шепоток. Яромир шагнул вперёд.

– Я же говорил, – сказал он громко. – Она нечиста. Требую изоляции до выяснения!

– Соколов, помолчи, – бросил старший Хранитель. – Мы решим, что делать. – Он повернулся к Ракель. – Но пока – ты наша. Треснувший Монолит – это не просто аномалия. Это угроза для всей Цитадели. Мы изучим тебя. Поймём, что произошло. И только потом решим, кому тебя отдать. Мстислав подождёт. – Он сделал паузу. – Ты останешься в Цитадели. Комната будет запечатана. На дверь лягут Печати Тишины и Спокойствия. Ни шаг за порог, ни звук наружу. Если из тебя вырвется хоть искра или тень – стража имеет приказ стрелять на поражение. Понятно?

Ракель кивнула. Голова всё ещё гудела. Кровь из носа не останавливалась. Она вытерла её тыльной стороной ладони и посмотрела на свои пальцы. Тёмные. Липкие. Настоящие.

– Всеволод Волков будет вызван на Совет, – добавил Хранитель. – Он ответит за то, что скрывал.

После Обряда наследников распустили. Ракель шла по коридору, чувствуя, как взгляды провожают её до поворота. Влада догнала её у лестницы.

– Ты как? – спросила она тихо.

– Жива, – ответила Ракель. – Пока.

Влада хмурилась.

– Треснувший Монолит. Это... плохо. Очень плохо. Я слышала, такое было только раз. Сто двадцать лет назад. Когда Огневы уходили. Тогда Монолит тоже треснул. – Она понизила голос. – Его не заделывали. Его запечатали кровью тринадцати старейшин. Говорят, камень после этого всегда «стонал» по ночам. До сегодняшнего дня стоны прекратились. Видимо, он ждал новой крови.

Ракель остановилась.

– Что ты знаешь об Огневых?

Влада покачала головой.

– Только то, что они исчезли. Все. И что с тех пор Монолит не трескался. До сегодня. – Она помолчала. – Я не верю, что ты нечиста. Ты пахнешь странно, но не гнилью. Просто... странно. Как будто в тебе слишком много всего.

– Спасибо, – сказала Ракель. И это было искренне.

Она дошла до своей комнаты. Открыла дверь. На столе лежал маленький свёрток – ткань, перевязанная чёрной лентой. Рядом – записка, написанная аккуратным почерком:

«Защита стоит дорого. Но я знаю, кто ты. Или почти знаю. Если хочешь узнать раньше, чем Хранители, – найди меня. Марк».

Ракель усмехнулась. Лиса внутри неё тихо рассмеялась. «Он торгуется. Даже сейчас. Даже после этого».

Она развернула свёрток. Внутри был маленький флакон – тёмное стекло, пробка из воска. Записка внутри: «От головной боли. Безвредно. Проверено».

Ракель посмотрела на флакон. Потом на клык на столе. Потом на трещину в стене – тонкую, едва заметную, которая появилась, когда она вчера в ярости ударила кулаком.

Она села на кровать. Четыре голоса в голове притихли. Но не ушли. Они ждали.

Тени в углу комнаты шевельнулись.

Ракель напряглась. Медленно обернулась. Тень у двери была неправильной – слишком длинной, слишком тёмной, слишком живой. Она дрожала, как вода на ветру. А потом из неё вытек Тарен.

Не вошёл. Именно вытек – бесшумно, плавно, будто он сам был частью тьмы. Его глаза с вертикальным зрачком блеснули в полумраке.

– Я видел, что случилось, – сказал он тихо. – Монолит треснул. Хранители в панике. Яромир празднует. А я... – Он помолчал. – Я думаю, что ты интереснее, чем я думал.

– Это должно меня впечатлить? – спросила Ракель.

– Нет, – Тарен улыбнулся. – Это должно тебя насторожить. Потому что если ты интересна мне, то ты интересна и другим. Тем, кто не будет играть по правилам. – Он шагнул ближе, и его голос стал совсем тихим. – Марк прав. Мстислав действительно отправил ворона. Но он не сказал тебе главного: Мстислав не просто требует тебя. Он уже здесь. Его вороны кружат над Цитаделью. Он ждёт.

Он шагнул назад, растворяясь в тени.

– Я не буду делать ставку на тебя, Волчица. Пока. Но я и не буду против. Пока.

И исчез – будто его и не было.

Ракель осталась одна. Она посмотрела на флакон Марка. Потом на дверь, за которой скрылся Тарен. Потом на клык отца.

«Игра началась», – подумала она. – «И в ней больше игроков, чем я думала».

Она откупорила флакон. Пахло мятой и дымом. Она сделала глоток – и почувствовала, как боль не уходит, но тускнеет, будто кто-то накрыл её мокрым полотном. Марк не лечил. Лисовские не целители. Он наложил морок на её нервную систему. Боль осталась, но теперь она казалась чужой, далёкой, будто происходила с кем-то другим. Опасная иллюзия. Но действенная.

Ракель усмехнулась. «Хитрый лис».

Голова начала отступать.

А за окном, в ущелье, туман на миг разошёлся – и Ракель увидела внизу, у подножия Цитадели, фигуру. Парень в серой одежде служителя. Он смотрел вверх. На её окно.

Гордей. Сирота из приюта, что работал там конюхом. Всеволод взял его с собой, чтобы иметь законный повод держать его близко к Цитадели. Глупый риск. Или гениальный ход. Ракель не знала. Но чувствовала: этот парень – её якорь в этом шторме.

Огонь ударил в грудь – мягкий, но настойчивый. Не жар, а именно пламя. Живое. Родное. И вдруг жар в левом виске, тот самый, что резал мозг ножом, отступил. Будто два огня встретились и узнали друг друга. Резонанс. Она даже не знала этого слова. Но тело запомнило.

Парень отвернулся и ушёл в туман.

Ракель закрыла глаза.

Завтра будет новый день. Завтра будут новые вопросы. Но сегодня... сегодня она хотя бы может дышать.

ГЛАВА 5. ТОТ, КТО УМЕЕТ ЧИТАТЬ

Печати легли на дверь к вечеру.

Ракель слышала, как Хранители бормотали что-то за порогом – сухие, шипящие слова на древнем языке, от которых воздух в комнате становился густым, как смола. Потом раздался тихий щелчок, будто кто-то запечатал конверт, и шаги стихли.

Она подошла к двери. Коснулась ладонью.

Холод. Не камень – сам воздух. Печати висели на двери, как две тонкие серебристые паутины, и от них тянуло тишиной. Не той тишиной, что бывает ночью в лесу, когда всё спит. А другой. Мёртвой. Будто кто-то выпил весь звук из комнаты.

Ракель отступила. Волк под рёбрами заворочался, недовольный. Орёл царапнул грудную клетку. Лиса шепнула: «Не трогай. Обожжёт». А Ворон... Ворон молчал. Но его молчание было другим. Заинтересованным.

Она села на кровать. Подождала.

Час. Два. Свечи догорели. За окном стемнело. Голова гудела – не от боли, а от тишины. Печати давили. Не на тело – на сознание. Будто кто-то накрыл её стеклянным колпаком и ждал, когда она задохнётся.

Волк заскулил. Орёл заметался. Лиса занервничала. А Ворон – Ворон открыл глаза.

Ракель почувствовала это. Как будто в глубине её сознания кто-то повернулся. И посмотрел.

На тени.

Тени в углах комнаты – те самые, что всегда были просто тенями, – вдруг показались ей... неправильными. Слишком длинными. Слишком тёмными. Они тянулись к ней, как руки. Не угрожающе. Скорее... приглашающе.

«Иди», – прошептал Ворон. Не словами. Чувством.

Ракель поднялась. Подошла к стене. Там, в углу, за старым сундуком, была трещина – та самая, что появилась, когда она ударила кулаком. Тонкая, едва заметная. Но теперь из неё тянуло холодом.

Она приложила ладонь к камню. Тень под её рукой шевельнулась. Не от сквозняка. Сама.

И камень расступился.

Не треснул – именно расступился, будто тьма между камнями стала дверью. Тень вытянулась, почернела, и в стене открылся проход – узкий, но достаточный, чтобы пройти. За ним был коридор: низкий потолок, пыль, запах старой кожи.

«Ворон – дух тишины и тени, – подумала Ракель. – Печати Тишины не могут удержать того, кто сам – тишина».

Она шагнула в проход.

И в ту же секунду серебристая нить – одна из тех, что висели на двери, – метнулась за ней. Тонкая, как паутина, но острая, как лезвие. Она зацепилась за рукав, дёрнула, будто пыталась удержать.

Ракель рванула руку.

Нить порвалась. С тихим, злым звоном. На ткани остался выжженный след – длинная полоса, будто кто-то провёл по рукаву раскалённым прутом. На коже под ней – тонкая красная линия. Не кровь. Ожог.

Ракель стиснула зубы. Боль была острой, но короткой. Она посмотрела на рукав. След не исчезал.

«Цена», – подумала она. – «За побег платят».

Камень за спиной сомкнулся – тихо, беззвучно, будто его и не было.

Коридор вывел в огромное помещение. Ракель сразу поняла, где она.

Архивы.

Бесконечные стеллажи уходили под самый потолок, теряясь в полумраке. Здесь пахло пылью, старой кожей и воском. Где-то вдалеке капала вода. И тишина. Настоящая. Не мёртвая, как от Печатей. Просто тишина места, где никто не бывает.

Ракель выдохнула. Впервые за весь день она почувствовала, что может дышать.

Она прошла вдоль стеллажей. На корешках – имена семей: Волковы, Гризли, Лео, Лисовские. Орловы, Соколовы, Воронены. И Огневы. Отдельный стеллаж, почти пустой. Пыль на нём лежала толстым слоем.

Ракель остановилась.

Огневы.

Она потянулась к полке. Взяла первый попавшийся свиток. Развернула. Старые записи, выцветшие чернила. Инвентарь поместья. Списки вещей, которые были там сто двадцать лет назад. Кресла, столы, подсвечники. И статуя. «Феникс из обсидиана. Центральный зал. Не трогать. Не двигать. Ждёт».

Ракель нахмурилась. «Ждёт». Странное слово для описи имущества.

Она взяла следующий свиток. Ещё один инвентарь. Потом ещё. И вдруг – тонкая тетрадь, перевязанная выцветшей лентой. Без названия. На обложке – только один знак. Перо. И подпись внизу, выцветшая, едва различимая: «Черновик. Не для глаз совета».

Ракель открыла её.

Страницы были исписаны мелким, торопливым почерком. Не инвентарь. Записи. Обрывки. Кто-то писал быстро, будто боялся, что не успеет.

«...Огонь не умирает. Он ждёт. Два пламени. Одно – под пеплом. Второе – под тенями. Когда тени треснут, пепел вспыхнет...»

Ракель перевернула страницу.

«...Они не вымерли. Они ушли. Оставили статую. Оставили пепел. Оставили нас. Но мы вернёмся. Когда мир снова будет нуждаться в огне...»

Ещё страница.

«...Два огня. Один спит под четырьмя тенями. Второй – под пеплом. Когда они встретятся – пламя проснётся. Или мир сгорит...»

– Это черновик.

Ракель вздрогнула.

Голос раздался из-за стеллажа. Мужской. Молодой. Но не насмешливый – настороженный. Будто говоривший сам не ожидал, что его услышат.

Она обернулась.

Он стоял в проходе между стеллажами. Парень в поношенной серой рубахе – той самой, что была на нём вчера. Высокий, стройный. Тёмно-рыжие волосы, которые на солнце, наверное, вспыхивали медью. Карие глаза. Но улыбки не было. Он смотрел на неё так, будто она была привидением.

В руках он держал стопку старых книг. Пыльных. Потрёпанных. И пахло от него – Ракель принюхалась – лошадьми. Сеном. Дымом.

– Ты кто? – спросила она, хотя видела его вчера. Внизу, у подножия Цитадели.

– Гордей. – Он помолчал. – Конюх. Я... принёс книги. Старые. Из конюшни. Там трактат о травах для лошадей, а я не знал, куда их деть, и...

Он замолчал. Посмотрел на неё. На тетрадь в её руках. На проход, из которого она вышла.

– Ты – та девушка, – сказал он тихо. – Которая разнесла Монолит.

Ракель напряглась. Волк под рёбрами оскалился. Орёл взметнулся. Лиса скользнула в сторону – оценивала. А Ворон молчал. Но его молчание было особенным. Он будто принюхивался.

– И что? – спросила Ракель. – Ты побежишь к Хранителям?

Гордей не ответил. Он смотрел на неё. Долго. А потом сказал:

– Я бы позвал Хранителей. Но я не позвал.

– Почему?

– Потому что если бы хотел – уже кричал бы. – Он пожал плечами. – А я не кричу.

Ракель смотрела на него. Лиса внутри неё навострила уши. «Он не врёт. И... он пахнет. Теплом».

– Что ты нашла? – спросил Гордей, кивнув на тетрадь.

Ракель помолчала. Потом протянула ему тетрадь.

– Черновик записей Огневых. Кто-то писал их перед уходом. Два огня. Один спит под четырьмя тенями. Второй – под пеплом. Когда они встретятся – пламя проснётся.

Гордей взял тетрадь. Его пальцы коснулись её пальцев. На секунду.

И этого хватило.

Огонь. Не боль. Не жар. Именно огонь – живой, родной. Он прошёл от его пальцев к её, ударил в грудь, и левый висок Ракель – тот самый, что горел весь день, – вдруг утих. Будто кто-то приложил к раскалённому металлу холодную воду.

Волк поднял шерсть. Орёл подался вверх, к лопаткам. Лиса впервые за день перестала шептать. А Ворон – Ворон развернулся внутри неё весь, целиком, и впервые за семнадцать лет не стал смотреть на тени.

Он смотрел на огонь.

Гордей дёрнулся назад. Тетрадь выпала из его рук. Он схватился за плечо – левое, там, где под серой тканью что-то вспыхнуло. Золотистым. Ярким.

– Что это? – Голос у него сорвался. – Что ты со мной сделала?

– Я ничего не делала, – сказала Ракель. Она смотрела на его плечо. Сквозь ткань пробивался свет. Слабый, но настоящий. – У тебя перо. На плече. Оно светится.

Гордей попятился. Ударился спиной о стеллаж. Книги посыпались на пол. Он не обратил внимания. Его лицо побледнело. Он смотрел на неё так, будто она только что прокляла его.

– Это родимое пятно, – сказал он. – Оно всегда было. Оно не... оно не должно светиться. – Он посмотрел на своё плечо, потом на неё. – Что ты со мной сделала?

– Я ничего не делала, – повторила Ракель. – Ты сам... – Она замолчала. Посмотрела на тетрадь, лежащую на полу. Потом на его плечо. Потом снова на тетрадь. – Ты читал, что здесь написано?

Гордей молчал.

– Второй – под пеплом, – сказала Ракель тихо. – Гордей. А что у тебя на плече?

Гордей посмотрел на неё. Долго. А потом медленно опустился на пол – прямо там, между стеллажами, среди рассыпанных книг. Прислонился спиной к полке.

– Огневый, – сказал он тихо. – Я – сирота. Из приюта. Я работал конюхом. Я чистил лошадям копыта и носил воду. Я не... – Он посмотрел на неё. – Я не должен быть никаким Огневым.

Ракель молчала. Она не знала, что сказать. Лиса внутри неё шепнула: «Он боится. Не тебя. Себя». Волк фыркнул: «Он слаб». А Ворон... Ворон молчал. Но его молчание было тёплым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.